

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной бизнес библиотеке Inwit.Ru](http://Inwit.Ru)

Приятного ознакомления!

Ричард Дэвис Бах Чайка по имени Джонатан Ливингстон

«Ричард Бах. «Чайка по имени Джонатан Ливингстон»»: 1989

Аннотация

Это самая главная книга Ричарда Баха. Он не придумал «Чайку». Он услышал ее целиком, и записал, и это полностью изменило его жизнь, и вот теперь вы можете прочесть эту чудо-сказку, как никакая другая книга на свете отвечающую на вопросы:

«Кто мы?»

«Что мы здесь делаем?»

«Куда мы идем?»

«Чайка по имени Джонатан Ливингстон» может изменить и вашу жизнь тоже.

Ричард Бах Чайка по имени Джонатан Ливингстон

Тому самому Джонатану, чайке, живущей в каждом из нас.

I

Было утро, и солнце опять залило сияющим золотом спокойное море, чуть подернутое рябью.

В миле от берега забрасывал сети рыбацкий баркас, и, когда по **Стае имени Завтрака** разнеслось *Слово*, тысяча чаек разом поднялась в воздух, чтобы начать между собой привычную битву за кусочки пищи. Начинаясь еще один день, полный забот.

Но далеко в стороне, паря в полном одиночестве над баркасом и берегом моря, чайка по имени Джонатан Ливингстон занимался совсем иным. На высоте сто футов он опустил свои перепончатые лапки, задрал клюв и, преодолевая боль, напряг все мышцы, чтобы еще круче изогнуть крылья. Так он сможет лететь очень медленно, и наконец он настолько

замедлил свой полет, что свист ветра превратился в тихий шепот, а океан под ним замер неподвижно. В яростном напряжении он прищурился, затаил дыхание и еще... на... дюйм... заломил крыло. И тут его перья встали дыбом, он совсем потерял скорость и рухнул вниз.

Чайки, как вы знаете, никогда не замирают в воздухе. Это для них бесчестье и позор.

Но чайка по имени Джонатан Ливингстон, без тени стыда заново круто изгибавший дрожащие от напряжения крылья — чтобы снова замедлить свой полет, а потом опять рухнуть вниз — был вовсе не обычной птицей.

Большинство чаек не утруждают себя излишними знаниями о полете — им вполне достаточно научиться летать от берега до пищи и обратно. Для большинства чаек главное не полет, а еда. Для этой же чайки, главное заключалось не в еде, а в самом полете. Больше всего на свете чайка по имени Джонатан Ливингстон любил летать.

Подобный образ мыслей, как выяснилось, не сулил ему большой популярности. Даже его родители не очень-то одобряли то, что Джонатан целыми днями летал один, сотни раз повторяя свои эксперименты с планированием на малых высотах.

Он не знал, например, почему, летя над водой на высоте меньше длины крыла, он оставался в воздухе дольше и меньше уставал. В конце своего планирующего полета он не как обычно бухался в море, поднимая фонтан брызг, а долго скользил по волнам, касаясь воды лапками, тесно прижатыми к телу. Когда он приземлился таким же образом и на берег, а затем принялся измерять шагами расстояние, которое он проскользил по песку, его родители встревожились не на шутку.

— Ну почему, Джон, почему? — причитала его мать. — Почему тебе так тяжело походить на других в нашей стае, Джон? Зачем ты летаешь так низко, ты же не пеликан и не альбатрос. Тебе надо хорошо питаться. Сынок, у тебя же остались одни перья да кости!

— Мамочка, ну и пусть у меня будут лишь перья да кости. Я просто хочу узнать, на что я способен в воздухе, вот и все. Я просто хочу узнать.

— Послушай, Джонатан, — сказал его отец, и в голосе его звучала доброта. — Зима уже близко. Лодок будет мало, а рыба уйдет в глубину. Если тебе обязательно надо учиться, тогда изучай пищу, и как ее побольше добыть. То, что ты изучаешь полет, конечно, неплохо, но, сам понимаешь, одним полетом сыт не будешь. Не забывай, что ты летаешь только для того, чтобы есть.

Джонатан послушно кивнул. И несколько дней старался вести себя как и все; он честно старался, с криком кружил в стае вокруг пирсов и рыбацких баркасов, сражаясь за кусочки хлеба и рыбы. Но у него ничего не получилось.

Все это совершенно бессмысленно, думал он, нарочно уронив треску, доставшуюся ему с большим трудом — ее тут же подхватила старая голодная чайка, гнавшаяся за ним. Все это выброшенное на ветер время я мог бы учиться летать. А мне так много еще надо узнать!

И вскоре чайка Джонатан снова в одиночестве парил вдали от берегов счастливый, голодный, постигающий неизведанное.

Теперь он изучал скорость и за неделю узнал о ней больше, чем самая быстрая чайка на свете.

На высоте тысячи футов он разогнался, что было сил, и нырнул в отвесное пике. Тогда он узнал, почему чайки не ныряют в скоростное отвесное пике. Всего лишь через шесть секунд он набрал скорость семьдесят миль в час, при которой крыло на взмахе становится неустойчивым.

Это повторялось раз за разом. Он был очень внимателен, работая на пределе своих возможностей, но каждый раз при наборе скорости терял управление.

Подъем до тысячи футов. Вначале предельно разогнаться по прямой, потом, продолжая работать крыльями, нырнуть круто вниз. Затем, и это повторялось каждый раз, его левое крыло выгибалось на взмахе, и он начинал быстро вращаться влево. Чтобы выровняться, он выгибал правое крыло, и тут же начиналось неуправляемое беспорядочное вращение вправо.

Как он ни старался, все шло кувырком. Он пробовал десять раз подряд, но едва разогнавшись до семидесяти миль в час, он превращался в неуправляемый ворох перьев и

раз за разом врезался в море.

И вот наконец, вымокнув до костей, он придумал. Главное — неподвижно держать крылья на высокой скорости, разогнаться до пятидесяти миль в час, а затем держать их неподвижно.

Поднявшись на две тысячи футов, он сделал еще одну попытку: разогнался до пятидесяти миль в час и нырнул вниз, вытянув клюв и неподвижно раскинув крылья. Это потребовало огромного напряжения сил, но все получилось, как надо. За десять секунд он разогнался до девяноста миль в час. Джонатан установил мировой рекорд скорости полета чайки!

Но победа была недолгой. Как только он начал выход из пике и изменил угол атаки своих крыльев, он моментально потерял управление, и этот кошмар начался снова. На скорости девяноста миль в час Джонатан закувыркался, словно подбитый зенитным снарядом, и врезался в каменную твердь моря.

Когда он пришел в себя, солнце уже давным-давно село, и тело его тихонько скользило по лунному свету, разлитому на поверхности океана. Измученные крылья казались отлитыми из свинца, но еще тяжелее была горечь поражения. Хорошо бы, чтобы меня утянуло на дно и мучения мои закончились, — вяло подумал он.

Он сильнее погрузился в воду, и тут в его голове гулко зазвучал незнакомый голос. *Другого выхода нет. Ну что поделаешь? Я — чайка. Я ограничен тем, что дала мне природа. Если бы мне суждено было узнать о полете больше, чем другим, у меня в голове был бы компьютер. Если бы мне суждено было летать быстрее, у меня были бы короткие крылья, как у сокола, и я бы ел мышей, а не рыбу. Мой отец был прав. Я должен выбросить из головы все эти глупости. Я должен лететь в стаю и смириться с собой таким, какой я есть — бедной ограниченной чайкой.*

Голос затих, и Джонатан согласился с ним. Ночью чайке место на берегу, и он поклялся, что с этого момента он будет обычной чайкой. От этого всем будет лучше.

Он с трудом оторвался от темной воды и полетел к берегу, радуясь, что он успел научиться экономить силы на бреющем полете.

Стоп, так не пойдет, — подумал он. Я больше не буду таким, как прежде. Я — обычная чайка и буду летать, как все. Поэтому он, преодолевая боль, поднялся до ста футов и, тяжело взмахивая крыльями, направился к берегу.

Решив стать обычным членом стаи, он почувствовал облегчение. Теперь его уже ничто не будет связывать с той силой, которая тянула его к новым знаниям, не будет больше радости неведомого, но не будет и горечи поражений. Да и здорово в общем-то было вот так, ни о чем больше не думая, лететь сквозь тьму к огням, горевшим вдали на берегу.

Темнота! Встревожено вскрикнул гулкий голос. *Чайки никогда на летают в темноте!*

Но Джонатан его не услышал. Да, здорово, думал он. Светит луна, и огоньки пляшут по волнам, искорками вспыхивая в ночи, все наполнено миром и покоем...

Спускайся! Чайки не летают в темноте! Если бы ты был создан для ночных полетов, у тебя были бы глаза совы! А в голове — компьютер! И крылья — короткие, как у сокола!

И тут летящий в ночи на высоте ста футов Джонатан Ливингстон неожиданно зажмурился. Мигом исчезла боль, забылись недавние клятвы.

Короткие крылья. **Как у сокола!**

Да вот же она, разгадка! Каким же я был дураком! Малюсенькое крыло! Мне надо сложить крылья и лететь на одних кончиках! **Короткие крылья!**

Он поднялся на две тысячи футов над черной гладью моря и, не раздумывая ни секунды о неудаче или смерти, прижал крылья к телу и, выставив наружу лишь их острые кончики, ринулся в пике.

Ветер ревел в ушах. Семьдесят миль в час, девяноста, сто двадцать и еще быстрее. Сейчас на скорости сто сорок миль в час напряжение на крыльях было намного слабее, чем

прежде на семидесяти, лишь чуть-чуть повернув кончики крыльев, он вышел из пике и, словно живой снаряд, пронесся над волнами, освещенными луной.

Прищурившись, чтобы ветер не так резал глаза, он ликовал. Сто сорок миль в час! И под контролем! А если начать пике не с двух, а с пяти тысяч футов, интересно, какую скорость я...

Недавние клятвы были забыты, их унесло встречным ветром. Он не чувствовал вины за то, что нарушил свое обещание. Следовать ему могут лишь чайки, признающие неизбежность обыденной жизни. Тому же, кто в поиске знаний прикоснулся к совершенству, такие клятвы ни к чему.

На рассвете чайка Джонатан продолжил тренировку. С высоты пять тысяч футов рыбацкие баркасы казались щепками, плавающими на лазурной глади моря, а Стая имени Завтрака напоминала рой мошкар.

Чуть дрожа от радости, он был полон новых сил и очень гордился тем, что страха почти не чувствовал. Без всяких церемоний, сложив крылья и выставив наружу только их кончики, он рухнул вниз. На высоте четыре тысячи футов он уже успел набрать предельную скорость, а встречный ветер превратился в твердую стену, которая ревела и не давала ему разогнаться еще быстрее. Падая отвесно со скоростью двести четырнадцать миль в час, Джонатан сглотнул комок, застрявший в горле. Он знал, что, если на такой скорости крылья вдруг раскроются, его разорвет на тысячу частей. Но в этой скорости была скрыта сила, радость и сама красота.

Выход из пике он начал на высоте тысячи футов. Ураганный ветер трепал кончики крыльев, линия горизонта, баркас и стая чаек накренились и с быстротой молнии стали вырастать прямо у него на пути.

Остановиться он не мог, он даже не знал, как сделать поворот на такой скорости.

Столкновение означало бы мгновенную смерть.

Поэтому он просто зажмурился.

Случилось так, что в то утро, сразу после восхода солнца, чайка по имени Джонатан Ливингстон с ревом пронесся прямо сквозь самую середину Стаи имени Завтрака на скорости двести двенадцать миль в час с плотно зажмуренными глазами. В тот раз *Чайка Удачи* ему улыбнулась, и все остались живы.

К тому времени, когда он поднял клюв к зениту, скорость была еще сто шестьдесят миль в час. Когда же он снизил ее до двадцати и наконец расправил крылья, баркас снова казался щепкой, и до него было четыре тысячи футов.

Его захлестнула радость. Предельная скорость! Чайка достигла скорости двести четырнадцать миль в час! Это была победа, величайший момент в истории Стаи, и в ту секунду для Джонатана начался новый отсчет времени. Отправившись в свой уединенный район тренировок, он набрал восемь тысяч футов и немедленно нырнул вниз, чтобы научиться поворачивать в пикирующем полете.

Он открыл для себя, что для плавного поворота на этой бешеной скорости достаточно на долю дюйма сместить одно-единственное перо с кончика крыла. Однако, прежде чем он это узнал, выяснилось, что, если сместить несколько перьев, то тебя начинает вертеть волчком... Так Джонатан стал первой чайкой на Земле, выполнившей фигуры высшего пилотажа.

В тот день он ни секунды не истратил на разговоры с другими чайками, а тренировался до самой темноты. Он открыл для себя мертвую петлю, замедленную бочку, многовитковую бочку, перевернутый штопор, обратный иммельман и вираж.

Когда Джонатан вернулся на берег в стаю, была уже глубокая ночь. Он ужасно устал, но от радости не мог удержаться и при посадке сделал мертвую петлю с двойным переворотом прямо перед касанием земли. Когда они только услышат о *Победе*, думал он, они сами с ума от радости сойдут! Ведь сейчас жить станет намного интересней! Раньше была такая скука — таскаться за баркасами. А теперь жизнь обрела смысл! Мы можем подняться из невежества, мы можем почувствовать себя созданиями совершенства, разума и

умения. Мы можем стать свободными. *Мы можем научиться летать!*

Будущее манило неведомыми обещаниями.

Когда он приземлился, все чайки собрались на Совет и, по всей видимости, стояли так уже давно. Они ждали.

— Чайка по имени Джонатан Ливингстон! Встань в центр!

Голос Старейшины был очень торжественен. В центр ставили только тех, кто заслужил величайший позор, или величайшую славу. В Центр Славы ставили будущих предводителей стаи. Конечно, подумал он, сегодня утром все видели *Победу!* Но мне славы вовсе и не надо. Я не желаю быть предводителем. Я просто хочу поделиться тем, что я узнал, показать горизонты, открывшиеся для каждого из нас. Он шагнул вперед.

— Чайка Джонатан Ливингстон, — повторил Старейшина. — Встань в Центр Позора, так чтобы тебя увидели товарищи по стае.

Его словно поленом по голове ударили. Колени задрожали, перья обвисли, зашумело в голове. В Центр Позора? Не может быть! А *Победа!* Они просто не понимают! Они ошиблись, ошиблись!

— ...за его вопиющую безответственность, — тянул нараспев торжественный голос, — подрывающую честь и традиции Семьи Чаек...

Приказ встать в Центр Позора означал, что он будет изгнан из общества, отправлен в пожизненную ссылку на Дальние Утесы.

— ...когда-нибудь, чайка Джонатан Ливингстон, ты узнаешь, что безответственность ничего хорошего не приносит. Жизнь непонятна и недоступна нашему пониманию. Известно лишь то, что нас выпустили в этот мир, чтобы мы ели и старались прожить как можно дольше.

На Совете Стаи провинившаяся чайка должна молчать, но Джонатан молчать не хотел.

— Безответственность? Братья мои! — вскричал он. — Кто же берет на себя большую ответственность, чем чайка, нашедшая высший смысл жизни и следующая ему? Тысячи лет мы знали лишь борьбу за рыбы головы, но теперь у нас появился смысл жизни — учиться новому, делать открытия, стать свободными! Дайте мне один только шанс показать вам то, чему я научился...

Казалось Стая была высечена из камня.

— Закон Братства нарушен, — запели чайки разом, дружно заткнули уши и повернулись к нему спиной.

Чайка Джонатан доживал свой век в уединении, но мир его вовсе не ограничился Дальними Утесами. Его печалило не одиночество, а то, что другие чайки не захотели поверить в красоту полета, которая готова была им открыться. Прозреть они не пожелали.

Каждый день приносил новые знания. Оказалось, что, если на большой скорости нырнуть в воду, можно найти вкусную рыбу, косяками гуляющую на глубине десяти футов, поэтому для того, чтобы выжить, ему больше не нужны были рыбацкие баркасы и куски черствого хлеба. Он научился спать в воздухе, прокладывая курс под углом к ночному береговому бризу, улетаая за ночь на сотни миль. Интуиция позволяла ему лететь в сильном тумане и подниматься в вышину к сияющей голубизне неба, когда все остальные чайки жались на берегу, промокшие до перышка. Используя высотные воздушные потоки, он улетаал далеко в глубь суши и лакомился там насекомыми.

То, что он когда-то хотел подарить своей стае, досталось ему одному; он научился летать и не жалел о цене, которую ему пришлось за это заплатить. Джонатан обнаружил, что скука, страх и злоба укорачивают жизнь чайки и, избавившись от них, он прожил поистине долгую жизнь.

Они пришли вечером, когда Джонатан тихонько скользил по своему любимому небу. Две чайки, возникшие рядом с ним, мерцали звездным светом, и исходившее от них сияние было мягким и теплым в чистом ночном воздухе. Но прекрасней всего было мастерство, с которым они летели в дюйме от кончиков его собственных крыльев.

Не говоря ни слова, Джонатан подверг их испытанию, которое не смогла бы пройти ни одна чайка. Он выгнул крылья и снизил скорость до самого предела. Сверкающие птицы плавно замедлили свой полет, оставаясь рядом с ним. Они знали о сверхмедленном парении.

Он сложил крылья, сделал бочку и ринулся вниз со скоростью сто девяносто миль в час. Они вошли в пике вместе с ним, не нарушив идеального построения.

Наконец он начал гасить скорость вертикальной замедленной бочкой. С улыбкой они выполняли ее абсолютно синхронно.

Он перешел в горизонтальный полет и некоторое время летел молча.

— Ну ладно, — наконец молвил он, — кто вы такие?

— Мы из твоей Стаи, Джонатан. Мы — твои братья.

Голос был спокойным и сильным.

— Мы пришли, чтобы забрать тебя наверх, забрать тебя домой.

— Дома у меня нет. И Стаи у меня нет. Я — изгнанник. И летим мы сейчас на верхней границе Великого горного ветра. Еще несколько сотен футов и выше я уже не смогу поднять свое старое тело.

— Можешь, Джонатан. Ведь ты уже научился. Одна школа закончилась, пришла пора начинать учиться заново.

То, что освещало всю его жизнь, в этот момент ослепительно вспыхнуло, и Джонатан Ливингстон наконец понял. Они были правы. Он *мог* подняться выше, и *пора* было отправляться домой.

В последний раз он взглянул на небо, окинул взором прекрасную серебристую землю, на которой он многому успел научиться.

— Я готов, — сказал он.

И чайка по имени Джонатан Ливингстон полетел в высь за этими птицами, сверкавшими словно звезды, и они растаяли в ночном небе.

II

Вот он какой, рай, — подумал Джонатан и улыбнулся своей мысли. Не очень-то почтительно приниматься разглядывать рай в ту самую минуту, когда влетаешь в него.

Поднявшись выше облаков, заслонивших Землю, он заметил, что его тело начало светиться так же, как и у тех двух птиц, летевших рядом с ним. Конечно, за этими золотыми глазами скрывался все тот же молодой Джонатан Ливингстон, но внешняя оболочка его изменилась.

Тело осталось вроде бы таким же как у чайки, но летало оно намного лучше прежнего. Похоже, даже не напрягаясь, — подумал он, — я смогу разогнаться в два раза быстрее, чем в лучшие времена на Земле!

Теперь его перья сверкали белизной, а крылья стали абсолютно гладкими, словно их отлили из серебра и хорошенько отполировали. Исполненный радости он тут же решил проверить, на что они способны.

На скорости двести пятьдесят миль в час он почувствовал, что близок к максимальной скорости в горизонтальном полете. На скорости двести семьдесят три мили в час он понял, что быстрее разогнаться уже не может, и ощутил легкое разочарование. Возможности его нового тела все же были ограничены, и хоть его старый рекорд в горизонтальном полете был значительно превзойден, Джонатан уперся в некий предел, который нелегко будет преодолеть. В раю, подумал он, возможности должны быть ничем не ограничены.

В облаках мелькнул просвет, его спутники крикнули:

— Мягких посадок, Джонатан, — и растаяли в воздухе.

Он летел над морем, приближаясь к неровной кромке берега. Несколько чаек упражнялись в восходящих потоках у утесов. Вдали, на севере, у самого горизонта летело еще несколько птиц. Новое место, новые мысли, новые вопросы. Почему здесь так мало чаек? Рай должен быть ими *переполнен!* И почему я вдруг так устал? Считается, что в раю

чайки не устают и не спят.

Где он об этом слышал? Память о жизни на Земле быстро тускнела. Конечно, Земля — это место, где он многому научился, но вот детали позабылись — вроде приходилось драться за корм, стать изгнанником.

Десяток чаек, летавших у берега, приблизились, чтобы его поприветствовать, но не произнесли при этом ни слова. Он лишь почувствовал, что они рады ему и что это — его дом. Для него это был очень большой день, день, начало которого он уже не помнил.

Он начал садиться, замахал крыльями, чтобы зависнуть в дюйме над землей, а затем легонько опустил на песок. Другие чайки тоже приземлились, но ни одна из них при этом даже пером не пошевелила. Раскинув сверкающие крылья, они разворачивались против ветра, а потом как-то их изгибали и останавливались в ту самую секунду, когда лапками касались земли. У них это здорово получалось, но Джонатан слишком устал, чтобы тут же этим заняться. Стоя на новом берегу, так и не проронив ни слова, он уже спал.

Вскоре он понял, что здесь он сможет узнать о полете не меньше, чем за всю свою предыдущую жизнь. Разница была лишь в одном. Тут жили чайки, которые мыслили так же как и он. Для каждой из них в жизни важнее всего было суметь превозмочь себя и прикоснуться к совершенству в том, что они так любили, а они любили летать. Птицы они были великолепные, как на подбор, и каждый день долгими часами они упражнялись в искусстве полета, разучивали сверхсложные фигуры высшего пилотажа.

Надолго Джонатан позабыл о мире, из которого он пришел, где его Стая жила, не желая видеть радости полета, используя дарованные им крылья только для того, чтобы найти пищу и наестся до отвала. Но время от времени на какое-то мгновение воспоминания приходили.

Однажды, отдыхая на берегу после разучивания бочек, исполняемых со сложенными крыльями, он снова вспомнил Землю.

— А где все остальные, Салливан? — молча спросил он своего инструктора, уже привыкший к телепатическому общению, которое заменяло здешним чайкам обычные крики. — Почему здесь нас так мало? Ведь там, где я когда-то жил...

— ...были тысячи и тысячи чаек. Я знаю. — Салливан покачал головой. — Единственный ответ, который приходит мне в голову, это то, что ты, похоже, птица редкостная, одна на миллион. Большинство из нас продвигались вперед очень медленно. Мы переходили из одного мира в другой, который почти ничем не отличался от прежнего, тут же забывали, откуда мы пришли, не думая о том, куда мы идем, жили одним днем. Сколько, по-твоему, жизней нам пришлось прожить, прежде чем нам впервые пришло в голову, что есть в жизни нечто большее, чем просто драка за еду или власть в Стае? Тысячу жизней, Джон, десять тысяч! А затем еще сотню, прежде чем мы узнали, что есть такая штука, как совершенство, а потом еще сотню чтобы понять, что цель нашей жизни заключается в том, чтобы найти его и показать всему миру. Это правило, конечно же, остается в силе и теперь: мы выбираем себе следующий мир благодаря тому, чему научились в предыдущем. Если ничему не научимся, следующий мир будет как две капли воды похож на этот, все равно надо будет преодолеть те же ограничения и тяготы.

Он раскинул крылья и повернулся лицом к ветру.

— Но ты, Джон, — сказал он, — сразу научился многому, и тебе не пришлось жить тысячу жизней, чтобы попасть сюда.

Они снова поднялись в воздух и продолжили тренировку. Сделать многовитковую бочку в построении не так-то просто, ведь в перевернутой фазе Джонатану приходилось думать вверх ногами о том, как надо изогнуть крыло, чтобы его движение оставалось в полной гармонии с полетом инструктора.

— Давай попробуем еще раз, — снова и снова повторял Салливан, — еще раз. Вот наконец, — Хорошо, — и они перешли к отработке перевернутой мертвой петли.

Как-то вечером чайки, не участвовавшие в ночных полетах, стояли кучкой на берегу и размышляли. А Джонатан, набравшись мужества, подошел к Старейшине чаек, который, как поговаривали, вскоре должен был улететь в высшие миры.

— Чьянг, — начал он, слегка волнуясь.

Старая чайка посмотрел на него своими добрыми глазами.

— Да, сын мой? — Годы жизни не лишили Старейшину сил, а только укрепили его. Он летал лучше всех в Стае и обладал знаниями, о которых другие едва начинали догадываться.

— Чьянг, ведь этот мир — вовсе не рай, правда?

В лунном свете было видно, что Старейшина улыбнулся.

— Ты снова учишься, чайка Джонатан Ливингстон, — сказал он.

— А что происходит дальше? Куда мы идем? Рай вообще нет?

— Нет, Джонатан, места под названием рай не существует. Рай находится вне пространства и вне времени. Рай — это достижение совершенства. — Он умолк. — Ты ведь очень быстро летаешь, правда?

— Я... я люблю скорость, — растерянно пробормотал Джонатан, но его охватила гордость, что Старейшина заметил его успехи.

— Ты начнешь понимать, что такое рай, Джонатан, когда познаешь совершенную скорость. Это не тысяча миль в час, не миллион и не скорость света. Потому что любое число кроет в себе некий предел, а совершенство не знает пределов. Совершенная скорость, сын мой, это значит быть там, где пожелаешь.

Чьянг вдруг исчез и через мгновение появился футах в пятидесяти, у самой кромки воды. Затем он снова исчез, но в ту же секунду появился рядом с Джонатаном.

— Это забавно, — сказал он.

Джонатан был поражен. Он забыл про рай.

— Как ты это сделал? Что ты при этом чувствовал? А далеко можно так летать?

— Ты можешь отправиться в любое место или время, в какое только пожелаешь, — ответил Старейшина. — Я побывал во всех местах и временах, о которых мог только подумать. — Он посмотрел на море. — Странно все это. Чайки, которые хотят просто путешествовать и жертвуют ради этого совершенством, летают медленно и привязаны к одному месту. А те, кто отказывается от путешествий ради совершенства, могут в то же мгновение попасть куда угодно. Запомни, Джонатан, рай находится вне времени и пространства, потому что пространство и время абсолютно не имеют значения. Рай — это...

— А ты можешь научить меня так летать? — голос Джонатана дрожал от желания познать неведомое.

— Конечно, если ты хочешь этому научиться.

— Очень хочу. Когда мы можем начать?

— Прямо сейчас.

— Я хочу научиться так летать, — повторил Джонатан, и его глаза блеснули необычным светом. — Скажи, что мне надо делать?

Чьянг заговорил медленно, внимательно вглядываясь в молодую чайку:

— Чтобы летать со скоростью мысли в любую точку пространства, — сказал он, — ты прежде всего должен понять, что ты туда уже прилетел...

По словам Чьянга, все дело заключалось в том, что Джонатан должен был перестать видеть себя существом, заключенным в теле, ограниченном сорока двух дюймовым размахом крыльев, возможности которого можно построить на диаграмме. Все дело было в том, чтобы понять, что его истинная совершенная сущность жила подобно ненаписанному числу, одновременно повсюду во времени и пространстве.

День за днем, начиная еще до рассвета и заканчивая далеко за полночь, Джонатан упорно работал над собой. Но несмотря на все его усилия он ни на перышко не сдвинулся с места.

— Забудь о вере! — раз за разом повторял Чьянг. — Для того, чтобы летать, тебе нужна не вера, а понимание полета. И здесь то же самое. Попробуй еще раз...

И вот однажды, когда Джонатан как всегда, пытаясь сосредоточиться, стоял на берегу с закрытыми глазами, он вдруг понял, о чем ему так долго говорил Чьянг.

— Да это же истинная правда! Я и есть совершенная чайка, не знающая пределов и

ограничений! — Его охватила буйная радость.

— Отлично! — сказал Чьянг, и в его голосе звучала победа.

Джонатан открыл глаза. Они со Старейшиной стояли на абсолютно чужом берегу — там деревья спускались до самой воды, а на небе горели два желтых солнца.

— Наконец-то ты понял, — продолжал Чьянг. — Но тебе придется немного поработать над самоконтролем...

Джонатан был поражен:

— Где мы?

Явно не придавая значения необычности окружающего мира, Чьянг, не задумываясь, ответил:

— Очевидно, мы на какой-то планете с зеленым небом, входящей в систему двойной звезды.

Джонатан радостно вскрикнул, издав первый звук с тех пор, как покинул Землю:

— **ПОЛУЧИЛОСЬ!**

— Ну, конечно, получилось, Джон, — сказал Чьянг. — Всегда получается, когда знаешь, что делаешь. Теперь насчет самоконтроля...

Когда они вернулись, уже стемнело. Другие чайки смотрели на Джонатана с благоговением, они видели, как он исчез с того места, где так долго стоял в неподвижности.

Но уже через минуту он прервал их поздравления.

— Я же здесь новичок! Я только приступил к занятиям. Это мне надо у вас учиться!

— Я удивляюсь этому, Джон, — сказал Салливан, стоявший рядом с ним. — У тебя меньше страха перед новыми знаниями, чем у любой из чаек, которых я видел за десять тысяч лет. — Стая замолчала, а Джонатан смущенно переступил с ноги на ногу.

— Мы можем начать работать со временем, если хочешь, — предложил Чьянг, — и ты научишься летать в прошлое и будущее. Тогда ты будешь готов к изучению самого сложного, самого могущественного и самого приятного. Ты будешь готов к полету в высь, чтобы познать значение доброты и любви.

Прошел месяц, или что-то вроде месяца. Джонатан впитывал новые знания с поразительной быстротой. Он всегда учился очень быстро даже в обычных условиях, а теперь, став личным учеником самого Старейшины, он поглощал новые идеи будто летающий компьютер.

Но вот наступил день, когда Чьянг исчез. Он тихо разговаривал со своей Стаей, призывая их никогда не останавливаться в учебе, тренировках и желании побольше познать совершенный невидимый принцип жизни. И тут его перья начали светиться все ярче и ярче, и в конце концов ни одна чайка уже не могла смотреть на него.

— Джонатан, — сказал он на прощанье, — работай и познавай любовь.

Когда они снова обрели способность видеть, Чьянг исчез.

Потом чайка Джонатан не раз предавался размышлениям о Земле, с которой он пришел. Если бы тогда он знал десятую или хотя бы сотую часть того, что он здесь узнал, насколько полнее и значимей была бы его жизнь! Он стоял на песке и думал, а вдруг сейчас там какая-нибудь чайка бьется, чтобы вырваться за пределы сковывающих ее ограничений, чтобы понять, что смысл полета не только в том, чтобы долететь до корки, брошенной с рыбацкой лодки. Может там даже появился настоящий изгнанник, осмелившийся бросить открывшуюся ему правду в лицо всей Стае. И чем больше Джонатан занимался уроками доброты, чем больше он трудился, чтобы познать природу любви, тем больше ему хотелось вернуться на Землю. Хоть он и был в прошлом одинок, но Джонатан Ливингстон был прирожденным учителем, и его собственный путь любви заключался в том, чтобы дарить крупинцы истины, которые он успел открыть, тем, кто искал лишь случая, чтобы эту истину познать.

Салливан, уже освоивший полеты со скоростью мысли и помогавший научиться другим, был настроен скептически.

— Джон, ты уже был когда-то изгнанником. Почему же ты думаешь, что чайки из того

мира послушали бы тебя сейчас? Ты же знаешь поговорку, а она верна: **Чем выше летишь, тем дальше видишь.** Чайки из того мира, откуда ты родом, стоят на песке, галдят и дерутся между собой. До рая им тысячу миль, а ты говоришь, что хочешь показать им рай там, где они стоят! Джон, да они не видят даже кончиков своих собственных крыльев! Оставайся здесь. Помогай новым чайкам, прилетающим сюда, они достаточно продвинуты, чтобы понять то, о чем ты им говоришь. — Он помолчал, а потом добавил. — А что если бы Чьянг вернулся в свой старый мир? Где бы ты был сегодня?

Последние слова решили все, и Салливан был прав. **Когда летишь высоко, глядишь далеко.**

Джонатан остался и работал с новичками, они были очень умными и быстро усваивали уроки. Но старое чувство возвращалось, и он не мог отогнать от себя мысль, что там на Земле одна или две чайки тоже смогли бы этому научиться. Сколько бы он знал сейчас, если бы Чьянг встретился ему в дни его изгнания.

— Салли, я должен вернуться, — сказал он наконец. — Твои ученики занимаются хорошо. Они могут помочь тебе обучать новичков.

Салливан вздохнул, но спорить не стал.

— Мне будет тебя не хватать, Джонатан, — только и сказал он.

— Салли, как не стыдно! — пожурил его Джонатан. — Не говори глупостей! Что же, наши ежедневные тренировки ничего не стоят? Если бы наша дружба зависела от таких пустяков, как пространство и время, то когда мы их наконец преодолели бы, выходит, мы уничтожили бы наше братство? Но преодолевшему пространство остается одно место — Здесь. Победившему время остается одно — Сейчас. Может нам все же удастся как-нибудь свидеться где-то посередине между Здесь и Сейчас, как ты думаешь?

Загрустивший было Салливан рассмеялся.

— Ты сумасшедший, — сказал он, и в голосе его звучала доброта... — Если кому-нибудь и удастся научить ползающего по земле заглянуть вперед на тысячу миль, так только Джонатану Ливингстону. — Он опустил глаза. — Прощай, Джон, мой дорогой друг.

— До свидания, Салли. Мы еще увидимся.

Произнеся это, Джонатан представил себе стаю чаек, стоящую на берегу совсем в другие времена, и с отработанной легкостью заново ощутил, что он — вовсе не тело из костей да перьев, а совершенная идея свободы и полета, не ведающая никаких ограничений.

Чайка по имени Флетчер Линд был еще довольно молод, но уже успел узнать, что ни с одной птицей ни одна Стая не обходилась так жестоко и несправедливо.

— И плевать мне на то, что они там болтают, — думал он, направляясь к Дальним Утесам, и пелена ярости застила ему глаза. — Полет — это вовсе не просто хлопанье крыльями для того, чтобы перетаскаться из одного места в другое! Это... это... и комар может! Подумаешь, сделал-то всего одну бочечку вокруг Старейшины, пошутить хотел, а они меня — в изгнание! Слепые они, что ли? Почему они видят? Разве не понимают, как это будет здорово, если мы действительно научимся летать?

— Плевать мне, что они там думают. Я им покажу, что такое настоящий полет! Я стану настоящим Изгнанником, если они этого хотят. Они еще у меня все пожалеют...

И тут в его голове зазвучал голос, и хоть он был добр, от неожиданности молодой изгнанник даже кувыркнулся в воздухе.

— Не суди их слишком строго, чайка Флетчер. Отправляя тебя в изгнание, они только навредили сами себе, и когда-нибудь они это поймут, когда-нибудь они увидят то, что видишь ты. Прости их и помоги им понять.

В дюйме от кончика его правого крыла летела чайка, сверкающая невиданной белизной, легко скользя, не шелохнув ни перышка, на скорости близкой к рекордной скорости Флетча.

В голове молодой птицы все смешалось.

— Что происходит? Я сошел с ума? Я умер? Что это?

Его мысли прервал спокойный сильный голос, настоятельно требовавший ответа.

— Чайка по имени Флетчер Линд, ты хочешь научиться летать?

— **ДА, ОЧЕНЬ ХОЧУ!**

— Чайка по имени Флетчер Линд, готов ли ты ради беспредельной свободы полета простить Стаю и, обретая новые знания, когда-нибудь вернуться к ним и помочь им понять?

Обмануть эту великолепную птицу было невозможно, хоть и уязвленная гордость больно щемила сердце Флетчера.

— Да, я готов, — тихо сказал он.

— В таком случае, Флетчер, — молвило существо исполненное света, и в голосе его звучала доброта, — мы начнем с Горизонтального полета...

III

Джонатан медленно кружил над Дальними Утесами, глядя ввысь. Этот молодой Флетчер был несколько грубоват, но в остальном — почти идеальный ученик. В воздухе он был силен, быстр, легок, а самое главное, у него было неудержимое желание научиться летать.

Вот и он, дрожащий серый комок с ревом вышел из пике и пронесся рядом с инструктором на скорости сто пятьдесят миль в час. Он тут же начал новую попытку сделать шестнадцативитковую вертикальную замедленную бочку, громко отсчитывая обороты.

— ...восемь... девять... десять... видишь-Джонатан-я-теряю-скорость... одиннадцать... я... хочу... научиться делать резкие остановки, как ты... двенадцать... но-разрази-гром-у меня не получаются... тринадцать... эти... три... последних оборота... без... четыр... а-а!

Тут он «сел на хвост» и от неудачи совсем взбеленился. Закувыркнувшись, он перешел в перевернутый штопор и наконец, запыхавшись, сумел выровняться в сотне футов ниже своего инструктора.

— Ты напрасно тратишь на меня свое время, Джонатан! Я слишком глуп! Я — просто тупица! Стараюсь, стараюсь, но ничего не получается!

Джонатан посмотрел на него и кивнул.

— Конечно, ничего и не получится до тех пор, пока ты будешь так резко начинать подъем. Флетчер, ты потерял сорок миль в час на входе! Будь мягче! Решительней, но мягче, запомнил? — Он спланировал к своему ученику.

— Теперь попробуем сделать ее вместе, соблюдая построение. И будь внимательным в начале подъема. Входи мягко и легко.

К исходу третьего месяца у Джонатана появилось еще шесть учеников, все изгнанники, с любопытством внимавшие новой необычной идее о том, что полет должен приносить только радость.

Им было проще отрабатывать фигуры пилотажа, чем понять скрытый в них смысл.

— На самом деле каждый из нас — частица Великой Чайки, идея беспредельной свободы, — часто повторял им Джонатан, когда они стояли вечером на берегу, — и овладение мастерством полета — это шаг к тому, чтобы научиться выражать нашу истинную природу. Мы должны убрать с нашего пути все то, что нас ограничивает. Вот почему занятия скоростным и высшим пилотажем...

...а его ученики в это время засыпали, отдав все силы на тренировках. Они любили эти занятия, скорость будоражила их молодую кровь, и тяга к новым знаниям не утихала, а только становилась все сильнее и сильнее. Но ни один из них, даже Флетчер Линд, не мог пока поверить в то, что полет мысли может быть таким же реальным, как полет над бушующим морем.

— Все ваше тело, от клюва и до кончика хвоста, — иногда говорил им Джонотан, — лишь воплощение вашей мысли в зримом для вас виде. Разорвите цепи, сковывающие ваши

мысли, и вы разорвете оковы, сдерживающие ваше тело...

Но как бы он им это ни втолковывал, все это скорее напоминало забавную сказку, а им очень хотелось спать.

Прошел всего только месяц, когда чайка Джонатан сказал, что им пора возвращаться в Стаю.

— Мы не готовы! — заявил чайка Генри Келвин. — Мы там никому не нужны! Мы — изгнанники! Мы же не можем напрашиваться и лететь туда, где нас не ждут, правда ведь?

— Мы свободны лететь, куда захотим, и быть такими, какие мы есть, — ответил Джонатан. Он поднялся в воздух и полетел на восток, туда, где обитала Стая.

На мгновение учеников охватило смятение, ведь по Закону Стаи изгнанник не имел права вернуться, а Закон ни разу не нарушали за десять тысяч лет. Закон говорил: оставайся здесь, Джонатан сказал: летите со мной; и к этому моменту он уже удалился на добрую милю. Если они и дальше будут топтаться в нерешительности, он окажется совсем один против злобной Стаи.

— Пожалуй, мы не обязаны подчиняться закону, если мы больше не члены Стаи, правда? — смущенно сказал Флетчер. — И кроме того, если начнется драка, от нас больше толку будет там, чем здесь.

Так они и появились с запада в то утро, едва не соприкасаясь кончиками крыльев. Они пронеслись над местом Совета Стаи на скорости сто тридцать пять миль в час. Джонатан летел впереди, справа держался Флетчер, слева старался не отставать Генри Келвин. Затем весь строй, со свистом рассекая воздух, плавно повернул направо, как один... все выровнялись... перевернулись... выровнялись.

Стая, как всегда бурно выяснявшая отношения, вдруг затихла словно при появлении этих птиц раздался удар грома, и восемь тысяч глаз, не моргая, следили за их полетом. Один за другим восемь пришельцев плавно перевернулись в воздухе и мягко сели на землю. Затем, словно подобные вещи случались чуть не каждый день, чайка Джонатан Ливингстон начал разбор полетов.

— Прежде всего, сказал он с ухмылкой, — вы все поздно вато заняли свое место в строю...

Словно молния поразила Стаю. Они же изгнанники! И они вернулись! А это... этого не может быть! Мрачные предчувствия Флетчера рассеялись, Стая была в полной растерянности.

— Ну, хорошо, положим, они — изгнанники, — сказала одна молодая чайка, — но где они научились так летать?

Лишь через час по Стае разнеслось Слово Старейшины: Не замечайте их. Чайка, которая заговорит с изгнанником, сама станет изгнанником. Чайка, которая посмотрит на изгнанника, нарушит Закон Стаи. С этого момента все повернулись к ним спиной, но Джонатан, похоже, этого не заметил. Он проводил тренировку прямо над местом Совета и впервые заставил своих учеников показать все, на что они способны.

— Чайка Мартин! — закричал он. — Ты говорил, что умеешь летать медленно. Докажи свои слова. **ЛЕТИ!**

И вот тихоня Мартин Уильям, услышав грозное требование учителя, с удивлением для себя стал знатоком низких скоростей. В легком дуновении ветерка он выгнул перья и без единого взмаха крыльев поднялся с песка в высь, до самых облаков, а потом так же плавно опустился вниз.

Затем чайка Чарлс-Роланд устремился вслед за Великим горным ветром и, набрав двадцать четыре тысячи футов, вернулся весь синий от холода, но счастливый и пообещал, что завтра поднимется еще выше.

Чайка Флетчер, больше всех любивший высший пилотаж, покорил наконец шестнадцативитковую вертикальную бочку, а на следующий день увенчал ее тройным переворотом через крыло. Его белые перья бросали пригоршни солнечных зайчиков на песок, откуда за ним украдкой наблюдала не одна пара глаз.

И каждую минуту Джонатан был рядом со своим учениками, показывал, предлагал, подсказывал и заставлял. Он летал с ними сквозь тучи и бури, сквозь ночную мглу, и это приносило ему радость, а в это время Стая жалкой кучкой топталась на берегу.

Когда полеты заканчивались и начинался отдых, ученики стали внимательнее прислушиваться к словам Джонатана. У него было много сумасшедших идей, которые они понять не могли, но были и отличные мысли, которые им были очень близки.

Постепенно, в ночи вокруг его учеников образовался еще один круг — в нем были чайки, с любопытством слушавшие его речи всю ночь напролет, не желавшие быть замеченными и замечать других, и они исчезли до рассвета.

Это случилось через месяц после Возвращения. Первая чайка из Стаи преступила запрет и попросила научить ее летать. Своей просьбой чайка Теренс Лоуэлл вынес себе приговор изгнания; он стал восьмым учеником Джонатана.

На следующую ночь из стаи к ним пришел чайка по имени Керк Мейнард. Он с трудом брел по песку, волоча левое крыло, и рухнул у ног Джонатана.

— Помоги мне, — попросил он тихим голосом умирающего. — Больше всего на свете я хочу летать...

— Ну что же, хорошо, — сказал чайка Джонатан. — Поднимись со мной в небо, и мы начнем.

— Ты не понял. Мое крыло. Я не могу им пошевелить.

— Чайка Мейнард, ты волен быть самим собой, выразить скрытую в тебе истину прямо здесь и сейчас, и ничто не может тебе помешать. Это Закон Великой Чайки, это закон Бытия.

— Ты говоришь, что я смогу полететь?

— Я говорю, что ты абсолютно свободен.

И тут в мгновение ока чайка Керк Мейнард просто раскинул свои крылья и, как перышко, поднялся в ночное небо. Стаю разбудил его крик, раздавшийся с высоты пятьсот футов. Из всех сил Керк кричал:

— Я могу летать! Слушайте все! **Я ЛЕЧУ!**

К восходу солнца вокруг учеников собралась почти тысяча чаек, с любопытством разглядывавших Мейнарда. Им было уже все равно, видят их или нет, и они слушали, пытаясь понять слова чайки Джонатана.

А говорил он о простых вещах — что чайка рождена для полета, что свобода заключена в самой ее сущности, что надо убрать все, мешающее этой свободе, будь то традиции, предрассудки, или какие бы то ни было ограничения.

— Убрать, говоришь, — раздался голос из толпы, — а если это — Закон Стаи?

— Истинен лишь тот закон, что ведет к свободе, — ответил Джонатан. — Другого закона нет.

— Как же ты хочешь, чтобы мы научились летать, как летаешь ты? — раздался другой голос. — Ты птица особая, одаренная и святая, ты выше нас.

— Посмотри на Флетчера! Лоуэлла! Чарлса-Роланда! Джуди Ли! Они что, тоже особые, одаренные и святые? Не больше, чем ты, или я. Разница вся в том, что они уже начали понимать, кто они есть на самом деле, и стали это в себе проявлять.

Его ученики, за исключением чайки Флетчера, неуверенно затоптались на месте. Им еще не приходило в голову, чем они все это время занимались.

С каждым днем толпа становилась все больше. Они были готовы без устали расспрашивать, преклоняться и презирать.

— В Стае говорят, что ты — сын самой Великой Чайки, — как-то сказал Флетчер Джонатану после занятий по скоростному пилотажу, — или что ты на тысячу лет опередил свое время.

Джонатан вздохнул. Вот она, цена непонимания, — подумал он. Тебя назовут богом или дьяволом.

— А ты что думаешь, Флетчер? Мы опередили наше время?

Флетчер долго молчал.

— В общем-то, подобный стиль полета существовал всегда, ему надо было просто научиться; со временем это никак не связано. Может быть, моду мы несколько и обогнали, это верно. Летаем иначе, чем большинство.

— Уже неплохо, — согласился Джонатан, перевернулся и некоторое время летел лапками вверх. — Это намного лучше, чем опередить время.

Это случилось через неделю. Флетчер показывал элементы скоростного полета классу новичков. Он только-только начал выход из пике с высоты семь тысяч футов и серой тенью пронесся в нескольких дюймах над берегом, когда птенец, впервые оторвавшийся от земли и звавший свою мамочку разделить его радость, очутился прямо у него на пути. Чтобы избежать столкновения у Флетчера Линда была лишь доля секунды. Он круто ушел влево и на скорости чуть больше двухсот миль в час врезался в гранитную скалу.

Ему показалось, что скала была огромной дверью в другой мир. В момент удара он оцепенел от ужаса, все померкло, и вдруг оказалось, что он снова летит, но уже в незнакомом чужом небе. Память то уходила, то возвращалась, так страшно и грустно, и жаль, что все так получилось, ужасно жаль.

И тут раздался голос, как в тот самый первый день, когда он встретил чайку по имени Джонатан Ливингстон.

— Дело все в том, Флетчер, что мы преодолеваем сдерживающие нас преграды по очереди, не спеша. Полет сквозь скалы по программе мы планировали изучать несколько позже.

— *Джонатан!*

— Также известный, как Сын Великой Чайки, — ответил его учитель довольно сухо.

— Что ты здесь делаешь? Эта скала! Разве... разве я не умер?

— Да ладно, Флетч. Подумай сам. Если ты сейчас со мной разговариваешь, то ясное дело, ты не умер. Ты просто умудрился довольно резко изменить свой уровень сознания. Тебе самому надо сделать выбор. Ты можешь остаться здесь и продолжить обучение на этом уровне — а он намного выше, чем тот, с которого ты ушел — или ты можешь вернуться и продолжить свою работу в Стае. Старейшины очень надеялись, что произойдет хоть какое-нибудь несчастье, но даже они не ожидали, что ты им так здорово подсобишь.

— Конечно же, я хочу вернуться в Стаю. Я ведь только-только начал занятия с новой группой!

— Очень хорошо, Флетчер. Помнишь, как мы говорили, что тело создано силой мысли...?

Чайка Флетчер встряхнул головой, расправил крылья и открыл глаза. Он стоял у подножья скалы, а вокруг собралась вся Стая. Когда он зашевелился, все разом загалдели.

— Он жив! Был мертв, а **ожил** !

— Тронул кончиком крыла! Воскресил! Сын Великой Чайки!

— Нет! Он это отрицает! Он — дьявол! **ДЬЯВОЛ!** Явился, чтобы сгубить нашу Стаю!

В толпе было около четырех тысяч чаек, крайне напуганных происходящим, и крик **ДЬЯВОЛ!** пронесся среди них словно порыв урагана. Глаза разгорелись, клювы воинственно сжались. Разорвать их на клочки!

— Может нам лучше покинуть их, а, Флетчер? — поинтересовался Джонатан.

— Я не стал бы сильно против этого возражать...

В ту же секунду они оказались в полу миле от того места, где клювы разъяренных чаек ударили в пустоту.

— Отчего, — пораженно сказал Джонатан, — труднее всего на свете убедить птицу в том, что она свободна и что она сможет сама себе это доказать, если немного потренируется? Почему это так сложно?

Флетчер все еще не мог прийти в себя от резкой перемены обстановки.

— Что ты сделал? Как мы здесь оказались?

— Ты ведь сам сказал, что хотел бы оказаться подальше от этой толпы, что забыл?

— Да! Но как ты...

— Как и все остальное, Флетчер. Дело практики.

К утру Стая забыла об охватившем ее безумии, но Флетчер ничего не забыл.

— Помнишь, Джонатан, ты как-то давно говорил о том, что надо очень сильно любить Стаю, чтобы вернуться к ней и помочь им научиться летать?

— Конечно помню.

— Я не понимаю, как ты можешь любить толпу, которая только что пыталась тебя растерзать.

— Что ты, Флетч, любить надо не это! Конечно, нельзя любить ненависть и злобу. Ты должен научиться видеть истинную чайку, то самое добро, живущее в каждом из них, и помочь им самим это в себе обнаружить. Вот что я называю любовью. Бывает занятно, когда этому научишься.

— Например, я помню одну молодую птичку, кипевшую от ярости, и звали ее чайка Флетчер Линд. Ее только-только отправили в изгнание, и она была готова до последней капли крови драться со всей Стаей и от обиды уже собиралась превратить Дальние Утесы в свою личную преисподнюю. А сегодня она строит рай на земле и ведет в него всю Стаю.

Флетчер повернулся к своему учителю, и в его глазах мелькнул страх.

— Я веду? Что значит, *веду я*? Учитель здесь ты. Ты не можешь покинуть нас!

— Разве? А ты не думаешь, что в мире могут быть и другие стаи, другие Флетчеры, которым учитель нужен больше, чем вам, ведь они еще не успели встать на путь к свету?

— Я не справлюсь, Джон, ведь я — птица обычная, а ты...

— ...единственный Сын Великой Чайки, так я полагаю? — Джонатан вздохнул и посмотрел на горизонт, где небо сливалось с морем. — Я тебе больше не нужен. Ты должен каждый день понемногу открывать в себе ту истинную чайку Флетчера, для которого нет преград. Он — твой учитель. Ты должен понять его и суметь им стать.

Тут тело Джонатана засверкало, заструилось в воздухе и начало таять.

— Не позволяй им рассказывать обо мне всякие глупости, или сделать из меня божка, ладно? Я — чайка. Я люблю летать, может быть...

— *Джонатан!*

— Бедный Флетч. Не верь глазам своим. Им не дано видеть беспредельность. Смотри сердцем, найди то, что ты и так уже знаешь, и ты увидишь, как надо летать.

Сияние померкло. Джонатан исчез.

Чайка Флетчер постоял, а потом все же заставил себя взлететь. Его ждал класс новичков, желавших поскорее приступить к занятиям.

— Прежде всего, — сказал он с тяжелым сердцем, — вы должны понять, что чайка — это безграничная идея свободы, частица Великой Чайки, и все ваше тело, от клюва и до кончика хвоста, — лишь воплощение мысли.

Молодые чайки удивленно переглянулись. Что-то это не очень похоже на объяснение фигур пилотажа.

Флетчер вздохнул и начал все сначала.

— Так... Ладно... — он критически оглядел собравшихся. — Начнем с Горизонтального полета.

Произнеся эти слова, он внезапно понял, что в его друге и правда было не больше божественного, чем в самом Флетчере.

Так ты говорил, что нет ничего невозможного, Джон? — подумал он. Ладно, тогда недалеко тот час, когда я появлюсь на твоём берегу и покажу тебе, как надо летать!

И хоть Флетчер очень старался выглядеть построже, он вдруг на мгновение увидел их всех такими, какими они были на самом деле, и полюбил это всем сердцем. Так нет ничего невозможного, Джонатан? — снова подумал он и улыбнулся. Пришла его пора учиться летать.